18+

ГАЛИНА СИЛАНТЬЕВА

МИСТИКА СУМЕРЕК. ЭРОТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Галина Силантьева

Мистика сумерек. Эротические рассказы

«Издательские решения»

Силантьева Г.

Мистика сумерек. Эротические рассказы / Г. Силантьева — «Издательские решения»,

Есть истории, которые днём, при ярком свете солнца, кажутся невозможными. Те самые, которые неловко рассказывать друзьям — вдруг покрутят пальцем у виска. В этом сборнике собраны именно такие рассказы: пугающие, трогательные и до абсурда смешные.

© Силантьева Г.
© Издательские решения

Содержание

Проклятые стены 6
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Мистика сумерек. Эротические рассказы

Галина Силантьева

© Галина Силантьева, 2026

ISBN 978-5-0071-7975-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проклятые стены

Осень выдалась на редкость пронизывающей. Я куталась в пушистый плед, сжимая в озябших пальцах кружку с обжигающим чаем, и расхаживала по своей квартире на Покровке, которую четыре месяца назад решила сделать источником скромной ренты.

По какой-то необъяснимой причине жильцы расторгали договор аренды, не прожив и трёх суток. Бледный студент с филфака сбежал, заявив, что по ночам там якобы кто-то «дышит». Парень-программист просто исчез, оставив ноутбук открытым на странице с кодом и недопитую бутылку коньяка. Я списывала это на старость дома, на сквозняки из рассохшихся рам, на расшатанные нервы арендаторов.

Риелтор, через которого я находила жильцов, в конце концов отказался со мной работать, пробормотав что-то о «нехорошей энергетике», чем вызвал у меня лишь раздражение. Какая, к чёрту, энергетика, когда нужно оплачивать счета за коммуналку?

Я унаследовала эту недвижимость в начале прошедшего лета, и почти всё это время она стояла пустой, превратившись в мой самый беспокойный актив. Бабушка оставила мне не только высокие потолки, скрипучий паркет и библиотеку с пожелтевшими корешками, но и загадочную репутацию этого места.

Когда мой муж уехал в командировку на север, я приняла решение, продиктованное, как я тогда убеждала себя, исключительно логикой. Я перееду в бабушкину квартиру сама. Проживу здесь месяц, включу обогреватель, выветрю застоявшийся запах нафталина и старых книг, а потом, если замечу что-то действительно странное, выставлю её на продажу.

Вечером я говорила с мужем по видеосвязи. Его лицо, подсвеченное холодным светом гостиничного номера, казалось нереальным.

— Тут минус десять, Наташ. А у тебя как? Греешься?

— Греюсь, — я отхлебнула чай. — Чай пью литрами. Кирпич, а не квартира. И хорошо, что ты уехал. Мне нужно побыть здесь одной, без лишних эмоций. Проверю, что тут за чертовщина, и будем, наверное, продавать. Купим нормальную студию с теплыми полами.

— Ты уверена, что хочешь там ночевать? — его голос в телефоне был пропитан нехорошим предчувствием. — Может, лучше к маме?

— Не выдумывай, — я заставила себя улыбнуться. — Мне просто нужно понять, что не так с квартирой. Напьюсь горячего чаю, закутаюсь в плед и буду смотреть сериалы. Всё будет хорошо.

Потом я позвонила подруге Ленке. Мы смеялись, я шутила про пугливых квартирантов, изображая из себя современную, ироничную женщину, для которой не существует ничего за гранью объяснимого. Я весело смеялась в трубку, но внутри, в том месте, где должно быть спокойствие, скребся холодный, пронизывающий ужас. Потому что я вдруг вспомнила…

Вспомнила не бабушкины сказки, а то, как она иногда застывала, глядя в самый тёмный угол комнаты, и её морщинистое лицо становилось похожим на старую бумагу. Вспомнила её шёпот перед сном: «Главное, Наточка, не отвечай, если позовут по имени. Они очень хорошо умеют имитировать знакомые голоса». Вспомнила и то, как тётя Зина с третьего этажа однажды крикнула ей в спину во время очередной склоки: «Чтоб тебе пусто было, колдунья проклятая!»

Закончив разговор, я положила телефон на пыльный комод. Смех застрял в горле. Я осталась одна в сгущающихся сумерках пустой квартиры. Тишина становилась такой плотной, что, казалось, сами стены прислушиваются ко мне.

Первая ночь

Спальня бабушки была самой холодной комнатой. Обои с выцветшим дамасским узором выглядели не серыми, а пепельными, словно их присыпали прахом. В тусклом свете мне пока-

залось, что в повторяющемся узоре проступает чей-то внимательный, немигающий глаз, смотрящий прямо из стены. Я часто-часто поморгала, до цветных пятен перед глазами, смахивая морок, как паутину. Видение исчезло. Обои снова стали просто старыми обоями.

Я легла в постель с тяжелым чувством прямо в свитере, натянув пуховое одеяло до самого подбородка. Кровать скрипнула, как старое дерево на ветру. В темноте, наступившей после щелчка выключателя, было слышно только моё собственное дыхание.

Сон не шёл. На потолке плясали тени от деревьев. Я вглядывалась в их рваный, беспокойный танец, пока веки не начали слипаться.

Провалившись в зыбкую дрёму, я вдруг почувствовала холод. Не тот, обычный осенний холод, от которого спасает второе одеяло. Это был холод… могильный.

Я открыла глаза. Темнота в комнате была плотной.

Послышался звук. Не сквозняк. Это было дыхание. Медленное, размеренное, прямо над моим ухом. Я открыла рот, чтобы закричать, но из горла вырвался лишь сиплый выдох. Тяжесть опустилась на матрас рядом со мной. Матрас прогнулся, пружины застонали, но я не видела ничего. Лишь абсолютный, инфернальный холод, который не просто морозил кожу — он, казалось, вытягивал тепло из костей, замораживая кровь в жилах.

А потом я ощутила прикосновение.

Это не было похоже на руки. Это было похоже на мокрый снег. Что-то невидимое, но обладающее чудовищной массой, прижало меня к кровати. Мои запястья оказались вдавлены в подушку ледяными тисками. Я не могла пошевелиться. И тогда оно наклонилось. Я не видела лица, но я почувствовала его очертания — они были явно мужскими, неправильными, асимметричными, пугающе древними. Его «губы» — если это можно было так назвать, сгусток ледяного вакуума — прижались к моей шее. Я чувствовала, как он изучает меня взглядом, которого не было. Его внимание, тяжелое и липкое, скользило по моему телу под одеялом.

Он не торопился. Он смаковал мою беспомощность. Его «рука» легла на мой живот. Пальцы, которых не существовало, медленно, мучительно медленно поползли вверх. Я зажмурилась до цветных кругов под веками, вдавила затылок в подушку, пытаясь вжаться, просочиться сквозь нее, лишь бы не чувствовать, как этот лёд касается меня. Когда незримые пальцы пролезли под свитер, мое тело выгнулось. Нервные окончания взорвались смесью невыносимого отвращения и ослепительного удовольствия.

Его невидимые «губы» двинулись от шеи ниже. Там, где они касались моей кожи, она начинала пульсировать. Я сильнее сжалась от страха. Это был спазм неконтролируемого ужаса. Нейроны в моем мозгу плавились, пытаясь обработать сигнал: «Смертельная опасность», в то время как диафрагма спазматически сокращалась, выдавая из горла тихий, постыдный стон.

Невидимая масса вдавила меня в матрас сильнее. Я задыхалась, хватая ртом пустоту, в ушах нарастал низкий гул, а перед глазами поплыли красные пятна. Каждое касание этой нематериальной мерзости отзывалось в моем теле вспышкой животного ужаса, смешанного с чем-то похожим на экстаз. Мозг кричал от паники, приказывая бежать, царапаться, звать на помощь, но тело… тело отзывалось. Мышцы непроизвольно сокращались, бедра сами собой дёрнулись навстречу. Это было абсолютное, всепоглощающее бессилие, в котором моя собственная физиология откликалась на волю невидимого чудовища.

Мои запястья, вдавленные в подушку, онемели. Пальцы свело судорогой, ногти впились в ладони, но я не могла ими пошевелить. Невидимое чудовище сместилось ниже. Старые пружины снова застонали. Язык холода втянул кожу сбоку на уровне талии. Я дёрнулась, но невидимые тиски на запястьях лишь сжались сильнее. Боль должна была отрезвить, выдернуть из этого липкого морока, но вместо этого она стала катализатором. Мозг, перегруженный адреналином, перестал различать оттенки. Боль, страх, стыд и пронзительное, сводящее с ума желание слились в один белый шум. Что-то массивное, лишенное костей и плоти, ласкало меня с

изощрённой, нечеловеческой нежностью. Из моего горла вырвались звуки — не крики, а низкий, вибрирующий вой, который я никогда не издавала для живого мужчины.

В пик наслаждения тяжесть вдруг исчезла. Не ушла, не отстранилась — просто испарилась, оставив меня наедине с липким стыдом. Наваждение схлынуло так же внезапно, как и началось.

Я открыла глаза и поняла, что одна. Дрожащая, мокрая от холодного пота. Простыни были ледяными, словно их только что достали из морозильной камеры.

Это был сон. Всего лишь сон.

За окном забрезжил серый, безжизненный рассвет.

Весь день я ходила по квартире как сомнамбула. Пыталась отскоблить на кухне с тёмной плитки что-то, похожее на чёрный иней, но под пальцами оказалась лишь старая затирка.

Воспоминание о ночной… встрече… было пугающе ясным. Я никому не позвонила. Что я скажу? «Ленка, меня ночью во сне лапал призрак, и самое страшное — мне это понравилось»?

Когда я принимала душ, кафель за моей спиной пошёл рябью, потемнел, превращаясь в жидкую, чавкающую глину. Вскрикнув, я вылетела из ванной, поскользнулась на мокром полу, ударилась плечом о стиральную машину и сползла по стене в коридор. Долго сидела, обхватив колени руками, пытаясь унять дрожь.

Я заставила себя подняться и, на негнущихся ногах, снова подошла к ванной. Набрав в грудь воздуха, я заглянула внутрь. Кафель был в полном порядке — холодный, глянцевый, равнодушный. Ни потёков, ни слизи, ни единой трещины, только моя собственная бледная тень, дрожащая на тёмной плитке. Я медленно провела дрожащими пальцами по тому самому месту, где только что чавкала глина. Пальцы ощутили лишь гладкий фарфор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.